

27. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 15. Л. 91.
28. Леухова М.Г. Тылоополченцы на строительстве второй угольной базы Кузбасса // Октябрь 1917 года: уроки истории и современность. - Кемерово. 1997. - С. 68.
29. ГАКО. Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 17. Л. 148, 190-192; Ф. Р- 444. Оп. 1. Д. 1. Л. 41 и др.
30. ГАКО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 15. Л. 6-8; Ф. Р-177. Оп. 8. Д. 10. Л. 1-3; Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 50. Л. 205;
31. ГАКО. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 25. Л. 43; Ф. Р- 415. Оп. 1. Д. 46. Л. 43 и др.
32. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
33. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 665-б. Л. 21-23.
34. ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 8. Д. 10. Л. 8, 11-14, 16-18,21-23 и т.д.
35. Архив ГУВД Кемеровской области, Ф.5. Д. 14169. Л. 42; Д. 20760. Л. 74; Д. 30261. Л. 36, 39, 42, 46.
36. Книга Памяти Шахтёров Кузбасса, погибших в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., М., Недра, 1995.
37. ГАКО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 2. Л. 253.
38. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-2.
39. ГАКО. Ф. Р-456. Оп. 4. Д. 15. Л. 519- 520.
40. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 67. Л. 160.
41. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 46. Л. 155-156.
42. ТА ГУВД Кемеровской области, Ф.5. Д. 30261. Л. 36, 39, 42, 46.
43. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 303. Л. 75.
44. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 195. Л. 61.
45. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 195. Л. 51.
46. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 303. Л. 76.
47. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 195. Л. 62.
48. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 420. Л. 1, 8; (по данным Н.В. Земского -4281 человек).

Автор статьи:

Бикметов

Рашит Саитгараевич

-канд. истор. наук, доц. каф.
отечественной истории, теории и исто-
рии культуры

УДК 94 (571.1): 332.021.8

Д.Н.Белянин

ПРЕДПОСЫЛКИ И ХАРАКТЕР ПРОЦЕССА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

Необходимо и в Сибири столь же твердо, как и в Европейской России, стать на путь создания и укрепления частной собственности.

П.А. Столыпин.

Актуальным аспектом современной аграрной реформы является проблема частной собственности на землю и развития фермерства. В связи с этим, вполне оправданным является обращение к историческому опыту предыдущих аграрных реформ в России, из которых наибольший интерес у историков и экономистов вызывает столыпинская аграрная реформа.

Составной частью столыпинской аграрной реформы была политика поддержки индивидуальных форм ведения кре-

стянских хозяйств – хуторов и отрубов. В Сибири такая политика имела ряд отличительных черт, обусловленных спецификой региона и его статусом. Так, в Европейской России государство перешло к практике поддержки хуторов и отрубов после издания указа 9 ноября 1906 г., разрешавшим выход крестьян из общины, тогда как в Сибири существовало отдельное законодательство (Положение о крестьянах Сибири) и, таким образом, упомянутый указ на Сибирь не распространялся.

Создание хуторов и отрубов

в Европейской России проходило на основе становления института частной крестьянской собственности на землю, что было юридически оформлено указом 9 ноября 1906 г., законом 14 июня 1910 г. и положением о землеустройстве от 29 мая 1911 г. Согласно данным нормативно-правовым документам, крестьянин в Европейской России имел право на выделение своего земельного надела из общины в отдельное хозяйство и закрепление за собой указанного надела в частную собственность. Отрубом называлось

такое хозяйство, когда все земли одного лица, кроме усадебной, сводились к одному месту в более или менее правильных границах с проездом к каждому участку. Хуторским считалось хозяйство, где усадьба располагалась среди отведенного надела, а все угодья (пашня, покос, лес) сводились в одном месте. Для сибирских губерний правительство также разработало законопроект, касающийся частной крестьянской собственности на землю, но этот проект не был принят как закон. Именно поэтому юридическое оформление развития института частной крестьянской собственности на землю в Сибири до 1917 г. так и не было завершено.

Вместе с тем, процесс индивидуализации крестьянского землевладения, начатый правительством П.А. Столыпина, в Сибири базировался на определенных предпосылках. Во-первых, в течение столетий в Сибирь приезжали переселенцы, иногда с семьями; селились, где хотели, и часто рядом с их жильем не было никого. Поэтому становление хозяйств этих переселенцев велось только собственными силами. Отсутствие помощи со стороны "мира" и привычка полагаться только на себя вырабатывали качества присущие фермеру-индивидуалисту. К началу столяпинской аграрной реформы в Сибири уже проживало поколение, вообще не знавшее что такое община.

Во-вторых, в Сибири первые хутора появились еще в середине XIX в., хотя сначала их было немного – всего 4 [1, с.41]. Но сам факт появления в сибирских условиях этой формы ведения хозяйства эволюционным путем говорит о многом.

В-третьих, можно отметить стремление отдельных категорий крестьянства к индивидуализации землепользования. К концу XIX в. наплыv переселенцев из Европейской России в Сибирь заметно усилился. Часть этих переселенцев прибыла из западных губерний (Виленской,

Харьковской, Полтавской, Киевской), где подворно-хуторская форма землевладения уже доминировала над общинной. Такие переселенцы были больше привычны к индивидуально-подворным формам хозяйства, чем к общинно-коллективистским. Именно поэтому на заседании Комитета Сибирской железной дороги 8 декабря 1899 г. было решено оказывать содействие переселенцам к выделу хуторских и подворных участков. А 22 июня 1900 г. были утверждены временные правила о подворном и хуторском устройстве на переселенческих участках в Сибири и Степном крае [1, с.83]. Согласно этим правилам расселение на хутора могло производиться лишь на заполненных переселенческих участках; приговор об этом должен был быть составлен большинством в $\frac{2}{3}$ домохозяев, имеющих право голоса. Размер хутора не должен был превышать 60 десятин [2, с. 85-86]. Размежевание земли возлагалось на особых землемеров, состоявших на службе в переселенческом Управлении. Они работали недолго – с 1903 по 1905 гг.[3] и за этот короткий отрезок времени размежевали в Западной Сибири всего 2 участка [4, с. 42].

Издание временных правил 22 июня 1900 г. совсем не означало переход правительства к поддержке хуторских хозяйств в Сибири. На практике переселенцам из прибалтийских и других западных губерний, ходатайствовавшим о размежевании на хутора, обычно отказывали на том основании, что их участки полностью не заселены [2, с. 86]. Вместе с тем, стремление крестьян вести индивидуальное хозяйство привело к тому, что старожилы Томской губернии в конце XIX в., как и переселенцы, начали кое-где разбивать свои земли на участки единичного пользования [3]. Впрочем, частных землемерных организаций в конце XIX в. в Томской губернии не было, а государственных землемеров,

как уже отмечалось, было немного, поэтому хутора и отруба до 1906 г. не получили здесь широкого распространения.

В-четвертых, в Сибири присутствовала другая форма индивидуального ведения хозяйства – заемка. К началу XX в. большая часть Западной Сибири находилась в фактическом владении крестьян на принципе заемочного пользования. Существовали постоянные и временные заемки [5, с. 131]. Заемки представляли собой поселения отдельных хозяев и часто находились на расстоянии в 20-30 верст от других поселений [1, с. 47]. Заемщик фактически являлся полновластным хозяином земли, не допуская никого пахать входящую в состав заемки землю, хотя бы сам ее в данное время и не эксплуатировал [6, с. 88].

На постоянных заемках находились постройки постоянного типа. Так, на заемке бийского мещанина Григория Казанцева имелось полное домообзаводство – жилой дом, изба, пригоны, пасека в 160 ульев и баня. Кроме того, при заемке была охраняемая роща, обнесенный поскотиной выгон и здесь же находилось землепользование – 8 десятин пашни, 20 десятин покоса и столько же выгона. Весь надел составлял 76 десятин с неразработанной площадью удобной земли, сосредоточенной в одном отрубе [7].

Временные заемки имели из построек легкие шалаша и носили сезонный характер (например, на время покоса).

Владелец постоянной или временной заемки имел право как на обрабатываемые, так и на впусте лежащие земли. Эти земли он мог передавать по наследству и сдавать в аренду. В зависимости от хозяйственной состоятельности крестьян, заемки различались по размерам: 3-5 десятин посева у бедняков и 100 и более десятин у зажиточных крестьян [8, с.33]. Иногда в Сибири можно было встретить заемки, не уступавшие по своим размерам иным помещичьим

хозяйствам Европейской России. Так, заемка Дедковская Поповичевской волости Кузнецкого уезда Томской губернии имела в земельном наделе 500,05 десятин удобной земли и 30,40 десятин неудобной [9]. Крестьянин Минин владел также очень крупной заемкой в Алтайском Округе: в его хозяйстве было 800 лошадей, 1000 баранов и до 1000 голов рогатого скота. Подобные хозяйства превращались в усадьбы “помещика с массой батраков при полном бесконтрольном пользовании массой свободных земель” [5, с. 31].

Встречались и небольшие заемки. Например, заемка Норша Мариинского уезда, где удобной земли было лишь 52,5 десятины, неудобной – 15,6 и, в среднем, на одну душу мужского пола (д.м.п.) приходилось по 10,5 десятин удобной земли [10].

В зависимости от качества земли крестьяне могли на своих заемках вести не только земледельческое, но и скотоводческое хозяйство. К примеру, крестьянин заемки Усть-Максиха Змеиногорского уезда имел в составе своего надела земли столь низкого качества, что урожай хлебов на них бывали лишь случайны, и заниматься чем-то иным, кроме скотоводства, на таких землях было невозможно. Некоторые из крестьян, ведущих на заемках скотоводческие хозяйства, содержали молочный скот, сепараторы, маслобойки и перерабатывали молоко в сливки и масло [11]. Подобные хозяйства фактически являлись прообразом будущих молочных ферм, прочно ориентированных на рынок.

В Сибири заемки исторически возникли на основе захватной формы землепользования. Заимочно-захватная форма — это первая форма землепользования в Сибири, так как она соответствовала начальной стадии заселения того или иного района. Земля принадлежала крестьянину, пока он ее обрабатывал, а если бросал, то земля

становилась “вольной” [8, с. 32-33].

О способах ведения хозяйства на заемках известный исследователь аграрного вопроса А.А. Кауфман¹ писал: “Крупные заемщики ведут свое хозяйство лучше, нежели представители недостаточной и бедной массы населения. На крупных заемках пашня ровнее и глубже вспахана, сорные травы искорены, посев произведен своевременно и хорошими семенами. Богач-заемщик соблюдает известную смену растений в севообороте, подвергает землю паровой обработке через более короткие промежутки времени, никогда не доводит землю до слишком сильной степени истощения” [12, с. 155-156].

Показательно, что некоторые высшие чиновники предлагали ввести в Сибири частную крестьянскую собственность еще до начала столыпинской аграрной реформы. Министр Земледелия и Государственных Имуществ А.С. Ермолов в 1895 г. посетил Сибирь и имел возможность реально ознакомиться с местными условиями. Его взгляды, по сути, мало чем отличались от основных положений аграрной концепции Столыпина. Необходимы, как считал А.С. Ермолов, последовательные, спокойные, рассчитанные на длительные сроки крупные мероприятия: интенсификация, упорядочение землепользования и переход к хуторскому хозяйству, право частной собственности на землю для всех категорий землевладельцев и широкомасштабная переселенческая политика [1, с. 71-72].

Впервые законопроект о передаче земли в Сибири крестьянам в частную собственность начал разрабатываться еще в

1894-1898 гг. в Комитете по делам Сибирской железной дороги по инициативе С.Ю. Витте. Правда, большинство министров в то время высказалось за то, чтобы сначала ограничить наделы крестьянских общин так, как никаких земельных границ между крестьянскими землями и государственными не существовало [13, с. 710].

Есть многочисленные факты сделок по купле-продаже земель между крестьянами. Например, приехавшие еще до столыпинской реформы переселенцы из Европейской России фактически купили землю у представителей коренного населения в заселке Усть-Мата. Подобный факт - совсем не исключение. Замаскированной формой купли-продажи была уплата приемных приговоров переселенцами за право получить надел в старожильских селениях. Сумма такого приемного приговора до массовых переселений 1906-1914 гг. на Алтае не превышала 40 руб. за д.м.п. [14], в дальнейшем выросла до 100-120 руб. [15, с. 198]. В 1908 г. в Томской губернии по приемным приговорам в старожильских селениях землю за плату получили 9 754 семьи [16], а в 1909 г. число таких семей выросло до 13248 [17, с. 10-11]. В 1907 г. были отмечены случаи, когда крестьяне предлагали за хуторской участок в 40 десятин на Алтае до 300 руб. наличными [20, с. 129].

Особо широкий характер принял случаи продажи земли внутри общины, причем органы крестьянского самоуправления признавали земельные сделки законными и оформляли соответствующие документы. Крестьяне могли свободно распоряжаться земельными участками, вплоть до права отчуждения [18, с. 56].

В официальном издании “Азиатская Россия” отмечалось, что при отсутствии юридических норм о собственности население в пределах предоставленного ему права пользования

¹ Кауфман Александр Аркадьевич (1864-1919). Русский экономист и статистик. Один из организаторов и лидеров партии кадетов. В 1887-1906 гг. служил в Министерстве земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ). Собрал обширный материал по экономике крестьянских хозяйств Сибири.

выработало такие нормы и порядки землевладения, которые мало чем отличаются от собственности [19, с.532].

Чиновники и администрация об этих фактах знали, но не препятствовали. Местные власти, тем самым, признавали за крестьянами право на куплю-продажу земельных наделов, хотя эти сделки и совершались вне рамок закона. Такая ситуация была возможна потому, что старые нормы права себя фактически изжили, хотя юридически и не были отменены. Экономические реалии диктовали свои условия, которые нельзя было ограничить формально-юридическими актами. По сути, речь идет об уже сложившейся практике, когда крестьянин являлся собственником своего надела де-факто, так как в любой момент мог свой надел полностью или частично уступить за деньги.

Несмотря на отсутствие законодательной базы, процесс индивидуализации крестьянского землевладения в Сибири получил поддержку со стороны государства. Первым шагом в этом направлении стало образование в Томском уезде на землях Алтайского Округа хуторов и отрубов для переселенцев. В течение переселенческой кампании 1907 г. наряду с участками общего пользования было нарезано 120 хуторов и отрубов на площади в 10406,3 десятины удобной и 1413,4 неудобной земли [20, с. 121].

Этот первый опыт можно было назвать удачным, поэтому в отношении политики хуторизации последовали новые шаги правительства. В 1908 г. глава Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) также, как и ранее П.А. Столыпин, высказался за необходимость “проведения начал собственности сибирских крестьян на землю”. В феврале 1909 г. был разослан циркуляр ГУЗиЗ, в котором указывалось: «1) Обратить особое внимание на образование... возможно большего количества хуторских участков.

... 3) Во всех случаях, когда переселившиеся выражают желание завести хуторской и отрубной порядок, оказывать им помочь путем командирования межевых сил или выдачи ссуд» [21, с. 209-210].

Вместе с тем, до 1911 г. образование хуторов и отрубов для переселенцев не было главной задачей. Поток переселявшихся из Европейской России крестьян был столь огромен, что чины землестроительных партий не успевали отводить даже участки общинного пользования. Так, во всех переселенческих районах Азиатской России в 1908 г. было заготовлено всего 110 участков единоличного пользования, в 1909 г. – 424.

Следует добавить, что кредит на отвод участков единоличного пользования был испрошен Переселенческим Управлением впервые лишь на 1912 год [22, с. 226].

Только после снижения волны переселенцев в 1910-1911 гг. стало возможным выделить средства для развития хуторской системы. В феврале 1911 г. Переселенческое Управление потребовало от руководителей переселенческих районов немедленно перестроить землеотводные работы. Была разослана телеграмма, где указывалось, что отныне порядок образования переселенческих участков изменяется в направлении подготовки хуторов и отрубов для единоличного пользования. Переселенческим организациям на местах было разрешено даже сократить на одну треть общий фонд заготовки участков с тем, чтобы из оставшейся части не менее трети отвести в виде хуторов и отрубов [6, с. 65-66].

Параллельно правительство начинает разработку законодательной базы для введения за Уралом частной крестьянской собственности на землю. В 1909 г. Главное управление землеустройства и земледелия разработало проект “Положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев Сибирских

губерний и областей”. Проект был представлен на рассмотрение П.А. Столыпина в июне 1909 г. [23, с.341]. “Положение” предусматривало немедленное укрепление в собственность усадебных и отрубных участков, а также землю, занятую под технические культуры и капиталистические предприятия. Сверх того, за этими домохозяевами сохранялось право получения в собственность уже при землеустройстве положенной доли общинной земли. На Сибирь распространялись все столыпинские законы о разрушении общин [24, с. 50].

Необходимость и важность этого законопроекта для сибирского крестьянства можно проследить хотя бы на следующем примере. Депутат Государственной Думы III созыва от Дальнего Востока трудовик А.И. Шило настаивал на необходимости экстренного и немедленного решения вопроса о принятии законопроекта. Мотивировал он это тем, что к нему с Дальнего Востока приходят письма и приговоры от избирателей с требованием немедленно провести этот закон [28, с. 12]. Спрос на рынке недвижимости в Азиатской России в годы столыпинской аграрной реформы был достаточно высок. Например, в Томской губернии с 1908 по 1912 гг. цена на одну десятину земли возросла с 40 до 70 руб. В целом продажа земли, т.е. уступка права пользования землей за деньги, к 1914 г. совершилась за Уралом почти уже повсеместно [19, с. 575-576].

Этот законопроект былнесен на рассмотрение Государственной Думы III созыва и оглашен на четвертой сессии. III Дума до конца срока своих полномочий рассмотреть этот документ не успела, IV Дума занималась его изучением, но так и не приняла.

Помимо этого документа правительство подготовило целый пакет законопроектов, касающихся становления и развития частной крестьянской собственности на землю. Напри-

мер, 9 февраля 1909 г. глава ГУЗиЗ направил циркуляр всем заведующим переселенческим делом в губерниях и областях Азиатской России, где предлагал обратить особое внимание на образование возможно большего числа хоторских участков [21, с.209-210]. По закону хоторской отруб не должен был превышать 60 десятин (45 удобной и 15 годной для выпаса) земли [25, с. 671].

28 февраля 1912 г. в Государственную Думу был представлен законопроект о продаже переселенцам земельных наделов в лучших местностях Азиатской России [26, с.2]. Кроме того, 10 марта 1911 г. правительство утвердило положение об отводе переселенцам отрубных и хоторских участков в частную собственность [24, с.51].

В целом, подготовка нового законодательства, касающегося поддержки хоторов и развития института частной крестьянской собственности в Сибири, вполне отвечала курсу, намеченному П.А. Столыпиным в отношении Сибири. В 1911 г. он отметил, что необходимо пересмотреть землеустроительную политику в Сибири и отводить землю не в пользование, а в собственность. Необходимо, считал П.А. Столыпин, теперь же переводить в частную собственность хотора и отруба переселенцев, отмечая положительный опыт создания хоторов на Алтае и ставя конечной целью введение частной собственности на землю и у старожилов [27, с. 58-59].

В итоге за период 1911-1915 гг. на участках единоличного пользования было водворено в Томской губернии 1533 семьи, в Тобольской губернии – 1176, в Акмолинской области – 3625. Всего в Степном крае, Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке в указанный период на единоличных участках было водворено 15119 семей или 42210 душ мужского пола [21, с.112].

Важнейшей составной частью процесса индивидуализации крестьянского землевладе-

ния в Сибири являлось внутренне-надельное размежевание общин на хутора и отруба. Наибольшее распространение внутренне-надельное размежевание получило в Томской губернии, где в 1906 г. было созвано совещание, чтобы выяснить возможности оказания переселенцам межевой помощи. Совещание рекомендовало для этой цели привлекать частных землемеров, оплачивая их труд за счет самого населения. При нехватке у переселенцев необходимых денежных средств им могла быть оказана помощь путем выдачи ссуды в рамках правил 15 июня 1902 г. В дальнейшем выдача ссуд на внутренне-надельное размежевание регулировалась циркулярами от 31 марта 1908 г. и 16 марта 1909 г. Согласно последнему, из них ссуды выдавались с рассрочкой платежа на 10 лет. Спрос на внутренне-надельное размежевание был велик и со стороны переселенцев, и со стороны старожилов. К началу 1906 г. по Томскому переселенческому району было до 100 ходатайств о разверстании наделов на хутора и отруба. В Томской губернии внутренне-надельное межевание началось по инициативе самого населения и на их средства еще в 1905 г., а затем стихийно охватило все население губернии [5, с. 81-83].

Внутренне-надельное размежевание какой-либо общины — процесс трудоемкий и достаточно дорогостоящий. Для размежевания землю какой-либо деревни необходима была ежедневная работа 15-16 человек и 6-7 лошадей в течение месяца, а то и более. Между селением и землемером составлялся договор о разверстании земель при условии оплаты со стороны селения. Кроме оплаты техников при внутренне-надельном межевании, оплачивалось также присутствие понятых. Так, в 1909-1910 гг. вознаграждение понятым в один день назначалось по первому и второму участкам Томского уезда – 1 рубль, по третьему и четвертому участкам того же уезда – 1 рубль 25 копе-

ек, в Барнаульском уезде – от 1 до 2 рублей. В дальнейшем в 1912-1914 гг. цены возросли. Например, в пределах Томского уезда дневная оплата назначалась от 1 до 2 рублей. В итоге сумма, необходимая для разверстания деревни, получалась достаточно большой. Например, для размежевания старожильческого села Камень Барнаульского уезда требовалась сумма в 14 тысяч рублей, причем 6 тысяч крестьяне обязались выплатить из своих средств, а другие 8 выдавало государство в качестве ссуды. Для размежевания села Лукошкинское Кузнецкого уезда была необходима общая сумма в 4733 рубля. Подсевтинная оплата частному землемеру в данном случае составляла 40 копеек [29].

Оплачивать подобные расходы только своими средствами могли далеко не все старожильческие селения и очень немногие переселенческие поселки. В таких условиях роль ссудного кредитования была очень высока. Вместе с тем, в деле ссудного кредитования можно отметить нехватку финансовых средств, что было характерно практически для всех губерний Сибири в 1906-1914 гг. До 1912 г. ссуды выдавались только переселенцам. Потом такая помощь стала оказываться и старожильческим селам, главным образом тем, которые приняли к себе значительное число переселенцев [30, с. 46-47].

По 1 января 1913 г. через Общее Присутствие Томского губернского управления прошло ходатайство о ссуде на внутренне-надельное межевание на сумму 730 288 рублей. Переведено же было кредитов всего на сумму 352 271 рубль [31].

В 1910 г. в Томской губернии размер ссудного кредита по поступившим заявкам был определен в 100 тысяч рублей, а по смете отпускалось лишь 30. В конечном итоге к 1917 г. из-за недостатка средств остались неудовлетворенными ходатайства о разверстании жителей 623 селений с площадью в 2 426

573 десятины [5, с. 97].

Второй проблемой в процессе внутринадельного размежевания в Сибири был острый дефицит квалифицированных специалистов. Этот факт отмечал также правительственный чиновник А.А. Кофод, командированный в 1911 г. в Омск, Томск и Красноярск для изучения на местах внутринадельного размежевания. Он писал в своем отчете, что разверстания за счет самого населения проводятся подчас не специалистами, а лицами, чей род занятий может быть различен: писарь, мещанин, крестьянин. Средняя подсевтинная оплата такого "землемера" составляла 10,3 копейки.

Правильность их межевых работ до 1911 г. никем не контролировалась [32]. Размежевание вели люди, слабо разбирающиеся в деле, в итоге работа производилась из рук вон плохо, некачественно и с большим количеством недочетов.

Вместе с тем, даже с учетом того, что работы велись не всегда качественно, а ссуды выдавались до 1912 г. только переселенческим поселкам, процесс размежевания охватил практически всю Томскую губернию. Стихийно возникали частные землемерные организации, причем многие из них действовали помимо переселенческой организации. Ситуация в какой-то степени была взята под контроль после совещания 16 июля 1911 г., которое состоялось под председательством Томского губернатора П.К. Грана. В итоге было решено поставить работу частных землемеров под полный контроль чинов Переселенческого Управления. Помимо этого, было решено выдавать ссуды на перенос построек при межевании. Следующим шагом стало создание в апреле 1913 г. при содействии губернской администрации Томского общества частных землемеров, цель которого была усовершенствование внутринадельного землеустройства и наибольшее обеспечение интересов крестьян. Это общество объединяло раз-

розненные до того мелкие предприятия.

В итоге к 1914 г. процесс размежевания в Томской губернии все же удалось поставить под строгий правительственный контроль. Так, в Томской губернии к работам допускались лишь землемерные организации, зарегистрированные в Томском губернском управлении, а все межевые действия постоянно проверялись заведующим технической частью [33].

Постепенно решалась проблема нехватки квалифицированных землемеров. Так, если в 1911 г. в Томской губернии занимались внутринадельным размежеванием только 14 государственных чинов и 180 частных землемеров, то в 1914 г. их число значительно увеличилось – 82 казенных землемера и более 400 частных [1, 84]. В 1914 г. в Томской губернии работало 48 частных землемерных организаций. Они исполняли работы в 367 селениях на площади в 1879601 десятину. В том же 1914 г. были заключены договоры о межевании 238 селений на площади в 1082181 десятину [34, с. 174].

Постепенно росли размеры средств, выделяемых на ссудное кредитование. Так, в 1908 г. на нужды внутринадельного размежевания в пределах Томского переселенческого района было выдано ссуд на 24590 рублей 75 копеек. Уже в следующем году на те же нужды населению Томской губернии было выдано ссуд на 75152 рубля 97 копеек. В итоге за период 1906-1915 гг. в Томской губернии ссуды на внутринадельное размежевание получили 1589 селений, в Тобольской губернии – 78 селений, в Акмолинской области – 181, в Енисейской губернии – 124. В 1906-1915 гг. в Томской губернии было размежевано 7 704 713 десятин, в Тобольской – 340 443, в Акмолинской области – 880 709, в Енисейской губернии – 402731[35].

Всего путем внутринадельного землеустройства на 1 янва-

ря 1916 г. в Томской губернии было образовано 11503 хутора и отруба, в Акмолинской области – 18981, в Тобольской губернии – 4368, в Енисейской губернии – 7319 [36, с. 6].

Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война замедлила процесс аграрных преобразований в стране. Вместе с тем, в 1915 г. чины Томской поземельно-строительной партии отмечали заметное стремление населения к внутринадельному разверстанию на участки единоличного пользования [37].

Можно сделать вывод, что для крестьянства Сибири введение института частной собственности было экономически необходимо. Крестьянство было готово к выходу экономических отношений на новый уровень. Кроме того, как доказывают многочисленные факты, принятие закона о частной крестьянской собственности на землю в Сибири лишь узаконило бы уже существующие отношения.

К началу реформы в Сибири сложились определенные предпосылки для перехода от общинного землевладения к индивидуальному. Проводимым правительством Столыпина курс на индивидуализацию крестьянского землевладения в Сибири объективно базировался на определенных социально-экономических предпосылках и отвечал интересам крестьянства. К 1913-1914 гг. правительству удалось создать определенные предпосылки для завершения процесса индивидуализации крестьянского землевладения. Государство выработало общую стратегию, определило характер законодательной базы и увеличило объемы финансирования. Все эти мероприятия должны были способствовать становлению и развитию хуторских и отрубных хозяйств в Сибири. Процесс индивидуализации крестьянского землевладения не был завершен в Сибири по объективным причинам, не зависевшим от правительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Седых Г., Сергиенко В., Тивяков С. Земля Кузнецкая – История Сибири. – Кемерово, 1997. – 184 с.
2. Корнеева Г.А. Временные правила 22 июня 1900 г. об образовании для переселенцев подворных и хуторских участков // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск, 1991. – С. 81-90.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.391. Оп.5. Д.882. ЛЛ.138-139.
4. Минжуренко А.В. Внутринадельное межевание в переселенческих поселках Западной Сибири в годы столыпинской аграрной реформы // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (кон. XIX – 1917 г.). – Красноярск, 1982. – С.100-118.
5. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX–начала XX в. – Новосибирск, 1975. – 265 с.
6. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. – Иркутск, 1966. – 472 с.
7. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф.Д-65. Оп.1. Д.227. Л.49.
8. Горюшин Л.М., Бочanova Г.А., Ноздрин Г.А. Опыт народной агрономии в Сибири. – Новосибирск, 1993. – 262 с.
9. ЦХАФ АК. Ф.Д-210. Оп.1. Д.69. Л.32.
10. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.Д-62. Оп.1. Д.9. Л.65.
11. ЦХАФ АК. Ф.Д-29. Оп.1. Д.404. Л.17; Ф.Д-194. Оп.1. Д.24. Л.27.
12. Каuffman A.A. Община. Переселение. Статистика. – М., 1915. – 511 с.
13. Тюкавкин В.Г. Формы землевладения в Сибири в начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Кишинев, 1966. – С.706-714.
14. ЦХАФ АК. Ф.Д-210. Оп.1. Д.66. ЛЛ.116, 147; Ф.Д-4. Оп.1. Д.158. Л.15
15. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747-1917). – Новосибирск, 1973. – 264 с.
16. РГИА. Ф.391. Оп.3. Д.759. ЛЛ.23, 55-56.
17. Итоги зачисления и водворения переселенцев за 1909 год. – СПб., 1910. – 183 с.
18. Худяков В.Н. К вопросу о собственности на землю в Сибири в XIX в. // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. – Томск, 1984. – С.46-57.
19. Азиатская Россия. Т.1. – СПб., 1914. – 576 с.
20. Синельников Н. Хуторские отрубы, образованные в 1907 году в Томском уезде на землях Алтайского округа Кабинета Е.В. // Вопросы колонизации. – 1908. – №3. – С.121-129.
21. Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. Сборник документов и материалов. – М., 1973. – 335 с.
22. Доклад бюджетной комиссии по смете расходов на 1913 год // Вопросы колонизации. – 1913. – №13. – С.200-240.
23. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – 588 с.
24. Когут М.Т. К вопросу о характере столыпинской аграрной политики царизма в Сибири // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. – Иркутск, 1984. – С.48-57.
25. Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах. – Изд-е 9. – СПб., 1914. – 1118 с.
26. Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. – СПб., 1913. – 331 с.
27. Кривошеин А.В., Столыпин П.А. Поездка в Сибирь и Поволжье. – СПб., 1911. – 170 с.
28. Скалозубов Н.Л. Закон о землеустройстве в Сибири // Сибирские вопросы. – 1911. – № 45-46. – С.11-20.
29. Сибирская жизнь. – 1908. – 7 сентября; ЦХАФ АК. Ф.Д-29. Оп.1. Д.946. Л.55; Ф.Д-137. Оп.1. Д.7. Л.71; ГАКО. Ф.Д-14. Оп.1. Д.4. Л.2.
30. Минжуренко А.В. Внутринадельное размежевание в переселенческих поселках Западной Сибири в годы столыпинской аграрной реформы // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (кон. XIX в. – 1917г.). – Красноярск, 1982. – С.40-54.
31. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.239. Оп.9. Д.5. Л.5.
32. РГИА. Ф.391. Оп.5. Д.882. Л.141.
33. Жизнь Алтая. – 1911. – 24 июля; РГИА. Ф.391. Оп.5. Д.882. ЛЛ.2-3, 127.
34. Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 году. – Пг., 1915. – 391 с.
35. РГИА. Ф.391. Оп.3. Д.759. Л.24; Д.1619. Л.67; Оп.6. Д.76. Л.205.
36. Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 году. – Пг., 1916. – 398 с.
37. РГИА. Ф.391. Оп.6. Д.45. Л.55.

Авторы статьи:

Белянин

Дмитрий Николаевич

- ст. преп. каф. отечественной истории,
теории и истории культуры.